
ТЕМА СНА В ЛИРИКЕ Б.Л. ПАСТЕРНАКА: МИФОПОЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Г.А. Закроева

Смоленский государственный университет
Пржевальского, д. 4, Смоленск, Россия, 214000

В статье рассматривается система художественной гипнологии в лирике Б.Л. Пастернака. Подробному анализу с точки зрения мифопоэтики подлежит группа стихотворений, в которых сон — сюжетобразующий мотив. Выделенные стихотворения разделены на три группы: 1) сон — предзнаменование или источник нового знания; 2) сновидение и процесс сна, вписанные в систему космогонического мифа; 3) мотив сна как призыв ухода в другую реальность. Все стихотворения выстраиваются в систему, в которой человек мыслится в единстве со Вселенной. Лирический субъект и сам поэт в таком случае предстает как demiurge, создающий целостный мир вселенной в видениях и поэтическом творчестве. Сон — состояние, родственное поэтическому вдохновению, но реализуется оно в состоянии бодрствования и напряженного труда. Во сне лирический субъект получает тайное знание об устройстве мира, которое после пробуждения воплощает в поэтическом творчестве.

Ключевые слова: Б.Л. Пастернак, сновидение, мотивно-тематический комплекс, система художественной гипнологии, мифопоэтика, мифология

Тема сна в творчестве Пастернака составляет систему художественной гипнологии, которая выстраивается и функционирует как в лирике, так и в прозе по определенным закономерностям. Отличительной особенностью является то, что тема сна образует вокруг себя тематический комплекс, который формируется в лирике и повторяется в прозе. Такая тематическая взаимосвязь нуждается в интерпретации с различных позиций.

В.С. Баевский утверждал: «Эффект *déjà vu*, возникающий, несмотря на всю ее оригинальность, при встрече с поэзией Пастернака, объясняется наличием мощного мифологического страта» [1. С. 400]. Мифологизм обуславливается не только основной семантической нагрузкой сновидений, но и набором тем, которые его сопровождают.

В ходе исследования сна как сюжетобразующего мотива мы выделили группу стихотворений Пастернака, в которых тема сна формирует цельный тематический комплекс, не встречающийся в стихотворениях о сне других авторов. Его составляют следующие темы: природа, вода, окно, звуки, женщина. Также нами был исследован сон, спроецированный Пастернаком на мир природы, где тематический комплекс сохраняется и приобретает некоторые новые особенности функционирования [2].

Цель данного исследования — изучить сон и сновидения в лирике Пастернака в контексте мифологических представлений о мире. По мнению этнографа Мирча Элиаде, «сновидение может быть расшифровано и интерпретировано, а значит, может передать свое значение в более ясной форме. Но сновидению самому по себе, рассматриваемому в своем собственном космосе, не хватает кон-

структивных характеристик мифа — тех, что придают иллюстративность и универсальность» [3. С. 16].

Природа и человек в творчестве Пастернака находятся в тесном контакте, существуют в гармонии и единстве. Сон можно представить как некую мистическую связь человека с природным началом. «В снах и фантазиях человеку являются некие образы, напоминающие образы или мотивы мифа и сказки» [4. С. 38]. Так, в поэтических текстах тема сна становится знаком, отсылающим к скрытой семантике, мифологическому подтексту, а авторский миф реконструируется, в частности, через мотивно-тематический комплекс, окружающий данную тему.

Для анализа мы выбрали 21 стихотворение, в которых сновидение, тема или мотив сна является центром лирического произведения: «Сон», «Венеция», «Дурной сон», «Я спал. В ту ночь мой дух дежурил...», «Конец», «Болезнь», «Мой друг, мой нежный, о, точь-в-точь, как ночью...», «Мой стол не столь широк, чтоб грудью всею...», «В лесу», «Бабочка-буря», «Баллада», «Голод», «Морской штиль», «Безвременно умершему», «Зарево», «Ночь», «Музыка», «Вакханалия», «Единственные дни», «Бессонница», «Под открытым небом». Эти стихотворения представляют материал исследования системы гипнологии в творчестве Пастернака. Исходя из функции и значения сна, мы выделили следующие группы текстов.

1. Сон — предзнаменование или источник нового знания для лирического субъекта: «Сон», «Дурной сон», «Я спал. В ту ночь мой дух дежурил...», «В лесу», «Голод», «Морской штиль», отрывок из поэмы «Зарево», «Август». Во всех стихотворениях данной группы сон предстает сложным знаком, который несет в себе значение предвидения будущего и рождает новое знание в сновидении.

Сновидение издревле считалось видением или знаком, данным свыше. Д. Фрейд отмечал, что «душа погруженного в сон человека на самом деле вылетает из тела и посещает те места, видит тех людей и совершает те действия, которые видит спящий» [5. С. 208]. Также, по его сведениям, индейцы, например, не отличают сна от яви, и все увиденные события во сне воспринимают как реально произошедшие. Сны в сознании лирического субъекта Пастернака играют важную роль и связываются в одну событийную цепочку с происшествиями наяву. Таким образом, выстраивается авторская сновидческая реальность, в которой не только пространство организовано особым образом, но и категория времени также действует отлично от реальности. Особая организация пространства и времени во сне — это традиционное восприятие сновидений как в мифологии, так и в литературе.

Одно из ярких видений лирического субъекта описано в стихотворении «Сон» (1928), которое является центральным в системе художественной гипнологии творчества поэта. В нем представлены ключевые темы для всего творчества Пастернака. «“Сон” посвящен большим философским темам — любви, жизни, смерти, — воспринятым на редкость непосредственно, даже интимно. Это наиболее ранний известный нам случай влияния на Пастернака лермонтовской романтической лирики» [6. С. 122]. Стихотворение «Сон» вписывается в традиционное понимание сновидений в литературе, получившее наибольшее развитие в русской литературе в начале XX в. «В творчестве символистов сновидение выполняет сходную функцию, что и у романтиков, становясь посредником между

мирами, но еще глубже раскрывает потаенную жизнь героев» [7. С. 11]. В нем реализуется тема смерти на различных семантических уровнях. В мировой культурной традиции сопоставляли сон и смерть. В стихотворении описание сна начинается с того, что лирическому субъекту снится осень, которая символизирует умирание природы, но природа умирает, чтобы снова родиться. Заканчивается сон смолканием возлюбленной:

Но время шло и старилось. И рыхлый,
Как лед, трещал и таял кресел шелк.
Вдруг, громкая, запнулась ты и стихла,
И сон, как отзвук колокола, смолк [9. С. 50].

Смолкание возлюбленной во сне лирического субъекта можно расценить как ее смерть, но не физическую. Возможно, разрыв отношений мы видим через призму смолкания, «умирания» возлюбленной в сердце героя, которое он ей отдал. Таким образом, темы сна, любви и смерти тесно переплетаются между собой и сновидение становится сложным семиотическим знаком.

В итоге стихает все — возлюбленная и сон, который сравнивается с отзвуком колокола. Голос человека и колокольный звон тождественны друг другу, так как у человека и колокола есть язык. Колокольный звон в народном сознании связан с разными поверьями. О колокольном звоне А.Н. Афанасьев писал: «Но если с одной стороны звон, как символ разящих громов прогоняет нечистых духов, шествующих в буре и вихрях; то с другой стороны, как тот же символ грозы, всегда сопровождаемой ветрами, он может накликают бурю, и потому архангельские промышленники, отправляясь на лов, стараются выйти в море в такое время, когда не слышно колокольного звона» [8. С. 184—185]. Так, исходя из множества интерпретаций колокольного звона, образ *сон* → *отзвук колокола* отсылает к провидческому значению сновидения.

В мировой культуре сформировалась традиция сопоставления сна со смертью. Время года в тексте — осень — также указывает на мотив смерти. Лирическому субъекту снится осень, и после пробуждения он видит осенний пейзаж, несмотря на то, что во сне время не остановилось: «Время шло и старилось и гложло...» [9. С. 64]. Таким образом, в стихотворении Пастернака мы видим скрытый тройственный мотив умирания как природного, так и метафизического. Все умирает для того, чтобы возродиться снова. Это отражено в пробуждении героя:

Я пробудился. Был, как осень, темен
Рассвет, и ветер, удаляясь, нес,
Как за возом бегущий дождь соломин,
Грядущих по небу берез [9. С. 64].

Пробуждение — новая жизнь героя. Дорога — новый путь. Оксюморон «темный рассвет» не предвещает ничего хорошего, так не радужная реальность становится продолжением трагического сна, и «темный рассвет» символизирует предшествующие несчастья. В стихотворении происходит совмещение временных рядов. Так, темный рассвет в реальном времени соотносится с сумерками, которые лирический субъект видит во сне. В темном и мрачном осеннем рассвете, в умирании природы герой не останавливается, его уносит поезд. Рассвет симво-

лизирует рождение новой жизни, но «темный рассвет» как будто возвращает лирического субъекта в осеннее время, которое он видел во сне.

Стихотворения первой группы объединяет то, что сон является не только отражением реального, но и во сне рождается будущность, таким образом, лирический субъект становится обладателем тайного знания. Например, в отрывке из поэмы «Зарево» описание сна Володи занимает целую главу. Проснувшись, герой говорит: «Во сне мне новое подарено, И это к лучшему, Катюша» [10. С. 133]. В поэме «Зарево» герой во сне ведет диалог с придорожной нежитью, своим двойником, который для лирического героя смешон и жалок. Во сне происходит отказ от двойника и его речей: «Ты подменял мой голос внутренний. Я больше не хочу. Довольно» [10. С. 133].

В стихотворениях «Дурной сон» и «Морской штиль» герой не может вырваться из пространства сна. Сравним: «Он двинуться хочет, не может проснуться, Не может, засунутый в сон на засов» и «Хватясь искомого приволья, Я рвусь из низких комнат вон. Напрасно!...» Одна из мифологических черт сна — отсутствие привычного течения времени. Так, в своих стихотворениях о снах Пастернак создает либо особое временное пространство, либо пространство без времени. «Но время шло и старилось, и глохло...» («Сон»), «Следов знакомо жизни, кроме Воды и неба без времен» («Морской штиль»), «Счастливые часов не наблюдают, Но те, вдвоем, казалось, только спят» («В лесу»). Во всех стихотворениях первой группы наблюдается закономерность описания пространства сна и реальности — они всегда диаметрально противоположны. Во сне все события ярко освещены, интерьер и природа разнообразны, тогда как пробуждение — возвращение в реальность — сопровождается темными и мрачными картинками.

Сон как предвидение и предчувствие смерти описывается в стихотворении «Август» из цикла «Стихотворения Юрия Живаго». Структура сна здесь отличается от других текстов: лирический субъект просыпается и вспоминает увиденный сон. Наряду с осенним пейзажем, символизирующим умирание природы, центральным образом сна становится провидческий голос самого героя:

Был всеми ошутим физически
Спокойный голос чей-то рядом.
То прежний голос мой провидческий
Звучал, нетронутый распадом [11. С. 531].

Голос, не тронутый распадом, — эквивалент души, которая не умирает вместе с человеком. Как и природа, умирающая осенью, возрождается весной, так и поэт, умирая, возрождается в своем «голосе поэзии».

В стихотворениях первой группы в тесном контакте находятся мир сна и мир природы. Природные мистические процессы, традиционно отраженные в мифе и фольклоре, проникают в сны лирического героя.

2. Состояние сна и само сновидение вписываются в систему космогонического мифа: «Венеция», «Болезнь», «Мой стол не столь широк, чтоб грудью всею...», «Бабочка-буря», «Вакханалия», «Единственные дни», «Под открытым небом».

Сотворение мира и его отдельных элементов отражается в некоторых снах лирического субъекта. Так, в стихотворении «Венеция» находит отражение миф о

рождении рассвета. В.С. Баевский отмечал: «Звукам, послужившим причиной пробуждения, придан космический, загадочный смысл в духе поэтики всей книги “Близнец в тучах”, в которую стихотворение вошло» [1. С. 519]. Во сне герой слышит крик, изданный оскорбленной женщиной. Образ женщины не однозначен, так как Венеция сопоставляется с той самой оскорбленной женщиной. Из сна, увиденного лирическим субъектом, и образов, присутствующих в нем, рождается природное явление, и просыпается от сна город:

Вдали за лодочной стоянкой
В остатках сна рождалась явь.
Венеция венецианкой
Бросалась с набережных вплавь [9. С. 68].

В стихотворении «Бабочка-буря» детские воспоминания в виде гула приходят к лирическому субъекту во сне. Зарождение урагана, бури показано через олицетворение бытовых предметов, городских зданий, что свойственно мифологическому сознанию:

Напрасно в сковороды били,
И огорчалась кочерга.
Питается пальбой и пылью
Окуклившийся ураган [9. С. 219].

Сопоставление рождения бури в городе с рождением бабочки говорит о единстве стихии природы, ее обитателей и городской среды.

Книга стихов «Когда разгуляется» заканчивается стихотворением «Единственные дни». В этом стихотворении говорится о днях зимнего солнцеворота, о тех днях, которые неповторимы и вместе с тем цикличны. И здесь тема сна отражает пограничное состояние — переход от зимы к весне как пробуждение природы:

И любящие, как во сне,
Друг к другу тянутся поспешней,
И на деревьях в вышине
Потеют от тепла скворешни.

И полусонным стрелкам лень
Ворочаться на циферблате,
И дольше века длится день
И не кончается объятье [10. С. 196].

«Космогоническая модель, основанная на гомоморфизме человека и вселенной, занимает одно из центральных мест в мифопоэтическом страте творческого сознания Пастернака» [1. С. 416]. Эта модель также присутствует в стихотворении 1953 г. «Под открытым небом», в котором сон лирического субъекта сопоставляется со сном Вселенной:

Незыблем их порядок.
Извечен ход времен.
Да будет так же сладок
И нерушим твой сон [10. С. 263].

Таким образом, в стихотворениях второй группы реализованы мифологические представления о рождении мира, единстве человека и природы, и тождественность человека и вселенной.

3. Мотив сна как призыв ухода в другую реальность: «Конец», «Мой друг, мой нежны, о, точь-в-точь, как ночью...», «Баллада», «Безвременно умершему».

Третья группа стихотворений противопоставлена текстам, в центре которых заложено провидческое значение сна и реализована космогоническая модель. В стихотворениях, в которых звучит призыв ко сну, пространство сна обезличено. Предаться сну — значит обрести покой. Мы видим, что в этих текстах находит воплощение традиционные модели *сон — смерть*.

В стихотворении «Конец» происходит отрицание и самой жизни, и ирреального пространства в состоянии сна без сновидений:

Наяву ли все? Время ли разгуливать?
Лучше вечно спать, спать, спать, спать
И не видеть снов [9. С. 161].

Явь для лирического субъекта — мучительное состояние, но и состояние сна не менее мучительно, потому что это деятельное состояние. Сон традиционно понимали как уход от реальности, от внутренних переживаний. В состоянии сна душа лирического субъекта не успокаивается, и как бегство от тяжелой реальности представляется сон без сновидений.

Традиционное отождествление сон — смерть представлено в стихотворении «Безвременно умершему»:

Немые индивиды,
И небо, как в степи.
Не кайся, не завидуй,
Покойся с миром, спи [10. С. 95].

В стихотворении «Баллада» («На даче спят. В саду до пят...») сон представлен повторяющимся мотивом и сновидением, которое видит лирический субъект. Такая композиция «Баллады» напоминает колыбельную песню. Как в «Бабочке-буре», в «Балладе» содержатся отсылки, относящиеся к детству в мотивной структуре и самом сновидении: «На даче спят, укрывши спину, как только в раннем детстве спят». Сон ребенка напрямую связан с мифологическими традициями, так как дети ощущают все остро и обладают непосредственностью восприятия. Мелетинский отмечал, что «детское мышление оказывается в некоторых отношениях сродни первобытному». В конце стихотворения лирический субъект обращается к самой жизни:

Спи, будь. Спи жизни ночью длинно,
Усни, баллада, спи, былина,
Как только в раннем детстве спят [10. С. 62].

Можно предположить, что такой призыв ко сну означает обращение лирического субъекта ко «времени сновидений», времени первотворения, которое в представлении предков, обладающих мифологическим сознанием, содержит в себе корни истинной жизни и истинного знания.

Подведем итоги. Все тексты выстраиваются в систему, в которой человек мыслится в единстве со Вселенной. Ранее нами был выделен тематический комплекс темы сна в лирике Пастернака. Если эти темы расположить по частотности в порядке убывания, мы получим следующий тематический ряд: звук, вода, окно, природа, женщина. В такой последовательности тем мы видим также присутствие космогонического мифа. Сначала в мире рождается звук («Вначале было слово»), затем появляется вода, которая является границей между мирами, в вешнем мире окно также символизирует границу между реальным и ирреальным, именно через окно в поэтическом мире к лирическому субъекту проникает стихия природы, и этот мир природы не может существовать без порождающего начала — женщины, которая в мифологическом сознании имеет связь с ирреальным пространством. В стихотворении «Ева» появление женщины происходит во сне:

Ты создана как бы вчерне,
Как строчка из другого цикла,
Как будто не шутя во сне
Из моего ребра возникла [10. С. 151].

Лирический субъект и сам поэт в таком случае предстает как демиург, создающий целостный мир вселенной в видениях и поэтическом творчестве. Так образ творца, художника представлен в стихотворении «Ночь», которое заканчивается назидательным обращением:

Не спи, не спи, работай,
Не прерывай труда,
Не спи, борись с дремой,
Как летчик, как звезда.

Не спи, не спи, художник,
Не предавайся сну.
Ты — вечности заложник
У времени в плену [10. С. 167].

Сон — состояние, родственное поэтическому вдохновению, но реализуется оно в состоянии бодрствования и напряженного труда. Во сне лирический субъект получает тайное знание об устройстве мира, которое после пробуждения воплощает в поэтическом творчестве.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Баевский В.С.* Пушкинско-пастернаковская культурная парадигма. М.: Языки славянской культуры, 2011. 736 с.
- [2] *Закроева Г.А.* Тематический комплекс сна в поэзии Б.Л. Пастернака (сон как периферийная тема) // Уральский филологический вестник. Вып. 5. 2014. С. 143—152.
- [3] *Элиаде М.* Мифы, сновидения, мистерии / пер. с англ. М.: REFL-book, К.: Ваклерю, 1996. 288 с.
- [4] *Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа. М.: Академический проект; Мир, 2012. 331 с.
- [5] *Фрезер Дж.Дж.* Золотая ветвь: исследование магии и религии / пер. с англ. М.: Политиздат, 1980. 831 с.

- [6] *Баевский В.С.* Б.Л. Пастернак — лирик. Основы поэтической системы. Смоленск: Транст — имакон, 1993.
- [7] *Нагорная Н.А.* Онейросфера в русской прозе XX века: модернизм, постмодернизм: учеб. пособие к спецкурсу. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2003. 101 с.
- [8] *Афанасьев А.Н.* Славянская мифология. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2008. 1520 с.
- [9] *Пастернак Б.Л.* Полное собрание сочинений: В 11 т. Т. I. Стихотворения и поэмы 1912—1931. М.: СЛОВО/SLOVO, 2003. 576 с.
- [10] *Пастернак Б.Л.* Полное собрание сочинений: В 11 т. Т. II. Спекторский. Стихотворения 1930—1959. М.: СЛОВО/SLOVO, 2004. 528 с.
- [11] *Пастернак Б.Л.* Полное собрание сочинений [Текст]: В 11 т. Т. IV. М.: СЛОВО/SLOVO, 2004. 760 с.

THE THEME OF THE DREAM IN THE LYRICS OF B.L. PASTERNAK: MYTHOPOETIC ASPECT

G.A. Zakroyeva

Smolensk State University
Przewalski, 4, Smolensk, Russia, 214000

The article considers the system of artistic hypnology in the lyrics of B. L. Pasternak. Detailed analysis from the point of view of mythopoetic be the group of poems in which the dream — plot motif. The selected poems are divided into three groups: 1) the dream is an omen or a source of new knowledge; 2) the dream and the sleep, are part of the system of cosmogonic myth; 3) the motif of the dream as a call care to another reality. All poems are arranged in a system in which man is conceived with the Universe. The lyrical subject and the poet himself in this case appears as a demiurge, creating a consistent world of the universe in visions and poetic creativity. The dream — state, akin to poetic inspiration, but it is implemented in the state of wakefulness and hard work. In the dream, the lyrical subject gets a secret understanding about the world that after awakening embodies in poetic creativity.

Key words: B.L. Pasternak, dreaming, motive-thematic complex, artistic system hypnology, mythopoetic, mythology

REFERENCES

- [1] *Baevskiy V.S. Pushskinsko-pasternakovskaya kulturnaya paradigma* [Pushkin-pasternakovskogo the cultural paradigm] Moscow, Languages of Slavic culture, 2011. 736 p.
- [2] *Zakroyeva G.A. Tematicheskiy kompleks sna v poezii B.L. Pasternaka (son kak periferiynaya tema)* [Thematic complex of the dream in the poetry of B.L. Pasternak (sleep as a peripheral theme)]. *Ural'skiy filolodicheskiy vestnik* [Ural philological Bulletin]. Ekaterinburg, 2014, vol. 5, no. 333, pp. 143—152.
- [3] *Eliade M. Mify, snovideniya, misterii* [Myths, dreams, mysteries]. TRANS. angl. Moscow, REFL-book, K.: Vakler, 1996. 288 p.
- [4] *Meletinskiy E.M. Poetika mifa* [Poetics of myth]. Moscow, Mir, 2012. 331 p.
- [5] *Fraser J.J. Zolotaya vetv: issledovanie magii i religii.* [The Golden bough: a Study magic and religion]. Moscow, Politizdat, 1980. 831 p.

- [6] Baevsky V.S. *Boris Pasternak — lyric. Osnovy poeticheskoy sistemy* [Boris Pasternak — poet. The basics of the poetic system]. Smolensk, Transit — imacon, 1993. 238 p.
- [7] Nagornfya N.A. *Oneyrosfera v russkoy literature XX veka: modernism, postmodernism* [Neurosphere in the Russian prose of the XX century: modernism, postmodernism]. Barnaul: publishing house of the BSPU, 2003. 101 p.
- [8] Afanasev A.N. *Slavyanskaya mifologiya* [Slavic mythology]. Moscow, Eksmo. SPb.: Midgard, 2008. 1520 p.
- [9] Pasternak B.L. *Polnoe sobranie sochineniy v 11 t. T. 1. Stihotvoreniya i poemy 1912—1931* [Complete works in 11 vol I. Poems and verses, 1912—1931]. Moscow, the WORD/SLOVO, 2003. 576 p.
- [10] Pasternak B.L. *Polnoe sobranie sochineniy v 11 t. T. 2. Spektorskiy. Stihotvoreniya 1930—1959* [Complete works in 11 vol II. Spectorsky. Poems 1930—1959]. Moscow, WORD/SLOVO, 2004. 528 p.
- [11] Pasternak B.L. *Polnoe sobranie sochineniy v 11 t. T. IV. Doktor Zivago, 1945—1955* [Complete works in 11 vol. vol. IV. Doctor Zhivago, 1945—1955]. Moscow, WORD/SLOVO, 2004. 760 p.